

Странники
войны

Странники войны

Воспоминания
детей писателей,
1941–1944

Составитель
НАТАЛЬЯ ГРОМОВА

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г87

Составитель Наталья Громова

Художник Андрей Бондаренко

В оформлении переплета использовано фото из личного архива
Н.А. Плигиной-Камионской

Г87 Странники войны. Воспоминания детей писателей, 1941–1944 / Сост. Наталья Громова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 392, [8] с., ил. — (Мемуары — XX век).

ISBN 978-5-17-154762-2

“Странники войны” — свод воспоминаний детей писателей, с первых дней войны оказавшихся в эвакуации в интернате Литфонда в Чистополе. Они голодали, мерзли и мечтали о возвращении в Москву, переживали гибель старших братьев и родителей, убежали на фронт... Но это было и время первой влюбленности, начало дружбы, которая, подобно пушкинской, лицейской, сохранилась на всю жизнь.

Также в книгу вошли истории трех погибших юношей: Мура Эфрона, Никиты Шкловского, Всеволода Багрицкого.

Составитель — писатель Наталья Громова (“Потусторонний друг. История любви Льва Шестова и Варвары Малахеевой-Мирович в письмах и документах”, “Ольга Берггольц: смерти не было и нет”, “Именной указатель” и др.). Все ее книги основаны на обширных архивных материалах и рассказах реальных людей — свидетелей времени.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154762-2

© Громова Н.А., составление, вступительная статья
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© ООО “Издательство АСТ”

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Исток судьбы. Наталья Громова</i>	7
--	---

ЧАСТЬ I

НАТАЛЬЯ ГРОМОВА	
<i>Жизнь и гибель Георгия Эфрона</i>	13
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ФЛОРЫ ЛЕЙТЕС	
<i>Так это было</i>	75
НАТАЛЬЯ ГРОМОВА	
<i>Судьба Всеволода Багрицкого</i>	81
ВАРВАРА ШКЛОВСКАЯ	
<i>Никита Шкловский и его родные</i>	88

ЧАСТЬ II

ЕЛЕНА ЛЕВИНА	
<i>От Клязьмы до Камы</i>	93
СОФЬЯ БОГАТЫРЁВА	
<i>Берсут — Чистополь — Москва</i>	141
ЛАРИСА ЛЕЙТЕС	
<i>“И никакого розового детства...”</i>	164
НАТАЛИЯ ПЛИГИНА-КАМИОНСКАЯ	
<i>Из детства времен войны</i>	192
МАРИАННА КОВАЛЬСКАЯ-ФРЕНКЕЛЬ	
<i>“Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать...”</i>	199

ВИТАЛИЙ ХЕСИН	
<i>Воспоминания в письмах</i>	204
ЭРА РОСИНА-ДРУЦЭ	
<i>Чистое поле нашего детства</i>	218
ЕЛЕНА ЗАКС	
<i>Иных уж нет, а те далече...</i>	234
НАТАЛЬЯ СУРКОВА	
<i>История одного письма</i>	241
ЕВГЕНИЙ ЗИНГЕР	
<i>Компас судьбы</i>	255
ЛЕОНИД СТОНОВ	
<i>Чистополь в моей жизни</i>	289
ГЕДДА ШОР	
<i>Война, семья, эвакуация</i>	299
ЛЮДМИЛА ГОЛУБКИНА	
<i>Бескрайность мира и жизни</i>	324
Список литературы	353
Именной указатель	355

Исток судьбы

Воспоминания о детстве чаще всего пишутся на склоне лет. Человеку необходимо вернуться к себе, чтобы понять исток своей судьбы. Детство героев этих мемуаров выпало на годы войны, которые оставили след в жизни каждого из них. Многие рассказы открываются картиной эвакуации из Москвы, которая началась уже в первых числах июля 1941 года. И дети, и подростки, оказавшись в далеком тылу, будут убегать на войну, голодать, плакать от одиночества, мечтать о встрече с родителями, жаждать возвращения в Москву.

Все истории складываются в общий сюжет: лето 1941 года в пионерлагере в Берсуде, несколько лет жизни в интернате Литфонда в Чистополе, где в первые же месяцы войны оказались герои этой книги. Каждый рассказывает о событиях и переживаниях тех дней, об известных людях, населявших Чистополь; мы видим происходящее глазами детей, воспринимающих жизнь очень по-разному — в силу воспитания и возраста.

Конечно, самое незабываемое — начало, слом мирной жизни. Тревоги взрослых, страх за будущее детей — и детское непонимание этих опасений. Наши герои отличались от обычных детей — их родители были прозаики, поэты, переводчики. Поэтому в одних семьях слышны пафосные речи, там верят в скорую победу, в других — разговоры о том, что страна не готова к войне, а немцы уже дошли до Москвы. В Чистополь вместе с писательскими детьми были эвакуированы антифашисты и их дети — настоящие немцы с иными манерами и поведением. И не всем хватало милосердия, чтобы понять, что эти люди ни в чем не виноваты. Но интернат учил их терпимости, осознанию того, что все они — разные. А лидеры старших мальчиков — Тимур Гайдар, Стасик Ней-

гауз и Гриша Курелла — показывали пример подлинного благородства.

Одно из событий, на которое обращают внимание почти все обитатели интерната, — появление в сентябре в Чистополе Георгия (Мура) Эфрона, сына Марины Цветаевой. Советскими детьми, плохо одетыми, воспитанными в презрении к внешнему, ироничный юноша с хорошими манерами, в заграничном костюме воспринимался как инопланетянин. Всякий, кто его хоть раз увидел, уже не мог забыть никогда. И конечно же, все обсуждали в интернате судьбу его матери, многие родители знали ее стихи, переписывали их от руки, обсуждали и осуждали поведение Асеева, который должен был взять мальчика к себе.

Георгий Эфрон по воле случая дважды отправлялся в эвакуацию: сначала в Елабугу и Чистополь, потом в Ташкент. В его горьких странствиях по тылам страны, в его судьбе видна вся бесприютность и одиночество подростка, оказавшегося в Советской стране. Он погиб на фронте уже через неделю после пребывания на передовой, как и сын поэта Эдуарда Багрицкого Всеволод, чья мать пропадала в лагерях. Никите Шкловскому и Юнику Кушникову удалось окончить школу в Чистополе, они ушли на фронт и погибли, не дожив несколько месяцев до победы.

Другое яркое воспоминание — страшная гибель на военных занятиях осенью 1942 года нескольких мальчиков, среди которых был пасынок Василия Гроссмана Михаил. Весь город хоронил мальчиков. Так война ворвалась в интернат, который находился вдали от линии фронта. Об этой ужасной истории вспоминают Елена Левина и Евгений Зингер.

И еще одно лицо, к которому было приковано внимание обитателей интерната, их родителей и даже жителей города, не очень разбирающихся в поэзии. Это Борис Леонидович Пастернак. Он не был похож ни на кого, отличался всем от основного населения писательской колонии. О его радостной улыбке пишут многие чистопольцы, встречавшие его с судками на улице или галантно расшаркивающегося в писательской столовой; его портрет мы найдем почти в каждом очерке. “Жизнь в Чистополе хороша уже тем, — говорил Пастернак своему собеседнику А. Гладкову, — что мы здесь ближе, чем в Москве, к природной стихии: нас страшит мороз, радует оттепель — восстанавливаются естественные отно-

шения человека с природой. И даже отсутствие удобств, всех этих кранов и штепселей, мне лично не кажется лишением, и я думаю, что говорю это почти от имени поэзии...”

Огромным счастьем для детей стало то, что интернат возглавила Анна Зиновьевна Стонова, профессиональный педагог, сумевшая создать особый климат в доме. Она ко всем относилась равно, никогда не повышала голоса. Порой в своей комнате тайно подкармливала молоком и хлебом особенно слабых детей. Такой же добротой отличалась и заведующая литфондовским детским садом Фаина Петровна Коган, которая потеряла на войне сына и всю любовь отдавала своим маленьким воспитанникам.

Авторы воспоминаний откровенно и искренно, не боясь выглядеть смешными или наивными, делятся с нами уникальным опытом становления детского самосознания, ведь им приходилось и разгадывать сложные вопросы, и находить трудные ответы. Удивителен рассказ Лены Левиной — про то, как их с Алешей Сурковым, двенадцатилетних детей, послали ловить дезертиров, что чуть не кончилось для них трагедией.

Мемуарные очерки написаны ярко, своеобразно, у каждого автора свой, отличный от другого взгляд, угол зрения, своя интонация. Возможно, на подсознательном уровне писательские дети унаследовали способности родителей, даже не подозревая об этом. Парадокс в том, что многие из них с детства получили антиписательскую прививку. Никто из родителей не хотел, чтобы дети занимались литературой или были связаны с ней, не хотели судьбы гонимого, вечно зависимого, униженного и рискующего своей головой писателя. Конечно, у кого-то были дачи в Переделкине и поездки в Дома творчества, литераторские пайки, но были и годы нищеты, запреты печататься, аресты. Любая гуманитарная профессия была настолько идеологизированной, что для взрослых было несомненно: если сын или дочь пойдут по этому пути, добра не будет. Но литературный дар не обошел почти никого: дети оказались литературно приметливы, оригинальны и остроумны, может быть, еще потому, что чистопольская жизнь была пропитана особым воздухом. Несмотря на тяжкие условия быта, все жили в сгущенной атмосфере искусства, которая возникала из-за определенной свободы существования в глубинке. Все запомнили чтение Пастернаком своего перевода шекспировской трагедии “Ро-

мео и Джульетта” и его замечательных стихов в Доме учителя, чтение Марии Петровых, незабываемые концерты пианистки Елизаветы Лойтер, спектакли с участием Ангелины Степановой, исполнительский талант юного Станислава Нейгауза, который он оттачивал каждый вечер в интернате на старом рояле, первое исполнение “Василия Теркина” Твардовского и “Землянки” Суркова.

В чистопольском интернате сложилась общая атмосфера любви к поэзии, к чтению книг, которые сопровождали бывших интернатовцев всю их жизнь. Их дружба во многом походила на лицейскую и сохранилась до конца дней.

“Странники войны” — лишь небольшая часть огромного свода воспоминаний писательских детей. Это логическое продолжение сборника “Чистопольские страницы” (Казань, 1987), в котором история чистопольской эвакуации была представлена в документах и частично в произведениях писателей и которого не могло бы быть без огромной работы краеведа и заслуженной учительницы города Чистополя Нины Степановны Харитоновой и ее учеников. Именно этот труд и побудил меня к созданию книги “Дальний Чистополь на Каме” (Москва; Елабуга, 2005).

“Странники войны” состоят из двух частей. В первой рассказывается о трех погибших юношах Георгии Эфроне, Никите Шкловском и Всеволоде Багрицком, но нельзя не упомянуть и тех, кто ушел из интерната на фронт и не вернулся: Юрий Арго, Юрий Кушнеров, Наталья Дзюбинская.

Вторая часть — и есть собственно свод воспоминаний, которые касаются не только военного детства, но и довоенной жизни.

Книга иллюстрирована большим объемом семейных фотографий, а в конце приводится расширенный указатель имен.

Незаменимую помощь в работе над рукописью оказали Ольга Минина, Валентин Масловский, Эсфирь Красовская и Дом-музей Цветаевой, где часто собирались “чистопольские дети” и где проходили выставки, посвященные эвакуации из Москвы в Чистополь и Елабугу.

НАТАЛЬЯ ГРОВОВА

ЧАСТЬ I

НАТАЛЬЯ ГРОМОВА

Жизнь и гибель Георгия Эфрона

Встреча с неизвестной родиной

Георгий Эфрон (Мур), сын Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, родился в Чехии, до четырнадцати с половиной лет жил во Франции, затем приехал с матерью в Советский Союз. Был воспитан на высочайших образцах мировой культуры, свободно изъяснялся по-французски, прекрасно разбирался в политике, общественной жизни, культуре. Он одевался как денди, умел вести светские разговоры. В отличие от юношей своих лет, не хотел идти на войну, но был призван, попал в стройроту, где служили в основном уголовники, а спустя короткое время был отправлен на передовую.

Уделом последних двух лет его жизни стало сопротивление судьбе. Он хотел жить, хотел учиться, хотел стать писателем, изо всех сил ограждал себя от грубости, хамства, насилия, предчувствуя, что угроза исходит именно отсюда. Но он так и не сумел увернуться. Рок, уничтоживший его семью, поглотил не только отца и мать — он забрал и его.

Какой же была короткая жизнь Георгия Эфрона на фоне всеобщей катастрофы?

Марина Цветаева и ее сын ступили на советскую землю 18 июня 1939 года. Они прибыли из французского порта Гавр в Ленинград пароходом “Мария Ульянова”. До них весной 1937 года в Советский Союз приехала Ариадна Эфрон. С первых дней она стала посылать в Париж восторженные письма о Москве, москвичах, новых улицах, домах, кремлевских звезд-

дах и первомайских парадах. Поздней осенью 1937 года в Москве появился ее отец Сергей Эфрон.

С начала 1930-х годов Сергей Эфрон возглавлял в Париже “Союз возвращения на Родину”, был завербован органами НКВД, которые за определенные “услуги” обещали наградить его советским паспортом. Дело Игнатия Рейсса навсегда стало частью истории семьи Эфрона — Цветаевой. Бывший советский разведчик-нелегал с огромным стажем Игнас Порецкий (Рейсс) работал в органах с первых дней советской власти. 17 июля 1937 года он отправил письмо в Москву, где наотрез отказался сотрудничать с НКВД. Письмо было перехвачено советскими агентами, и в тот же день его участь была решена. Сергею Эфрону была поручена слежка за Рейссом, дальнейшее исполнили другие лица.

Скорее всего, Эфрон не видел письма Рейсса. Возможно, письмо остановило бы его. Эфрон был человеком благородным, он мог бы оценить честность бывшего разведчика, мог бы понять и почувствовать его отчаяние, боль за свою страну, которая катится в пропасть. Но все свершилось, Рейсс был убит, а Сергей Эфрон бежал в Советский Союз. Во французских газетах появились списки имен предполагаемых убийц и их пособников, где оказалось и его имя.

От Цветаевой отвернулась вся русская эмиграция; ее нигде не приглашали, перестали печатать, избегали прежние знакомые. Кроме того, ее стали вызывать в полицейский участок на допросы по поводу занятий ее мужа. Оставалось одно — возвращаться с сыном в Советскую Россию, хотя ее и мучили дурные предчувствия.

19 июня 1939 года вся семья собралась на Болшевской даче в поселке НКВД “Новый быт”. Дача, по роковому совпадению, принадлежала скончившему с собой Томскому. Сюда же поселили Клепининых — знакомых Цветаевой и Эфрона по Парижу, бежавших из Франции. Для “искупления вины” (участие в белом движении и последующая эмиграция) им было предложено стать агентами НКВД. Бывшие эмигранты не могли себе представить, в какую ловушку попали. Цветаева, увидев мужа после двухлетней разлуки и предчувствуя нависшую опасность, записала: “Обертон — унтертон всего — жуть!

<...> Начинаю понимать, что С[ергей] бессилён, совсем, во всем”*.

Но Ариадна Эфрон не ощущала надвигающейся беды. “Счастлива я была — за всю жизнь — только в этот период — с 1937 по 1939 год в Москве, именно в Москве и только в Москве. До этого я счастья не знала”. В редакции журнала “За рубежом” она встретила человека, которого полюбила, и знала, что он любит ее. Спустя годы в письме поэтессе Маргарите Алигер она рассказывала о нем: “Был у меня, когда-то в молодости, муж, как у всех прочих, и, естественно, не такой, как у всех прочих — лучше всех!”

Самуил (Муля) Давыдович Гуревич, которого Ариадна считала мужем, был человеком сложной судьбы, и даже в наше время, когда многое стало известно, однозначно оценить его роль в жизни семьи Цветаевой очень трудно. Родился он в Швейцарии в семье профессиональных революционеров, рос в Америке, в пятнадцать лет приехал в Россию. Блестательно знал несколько языков, был близок к Михаилу Кольцову, но, как ни странно, даже после его ареста Мулю Гуревича не тронули. Мало того, он был исключен с 1929-го из партии за “троцкистский уклон”, трижды подавал прошение о восстановлении, и неожиданно в 1940 году прошение удовлетворили. А ведь это случилось уже после ареста Ариадны Эфрон, и об их отношениях органы были прекрасно осведомлены. Нет сомнения, что, находясь на высоких должностях в “Жургазе”, в ТАССе, постоянно контактируя с иностранными корреспондентами агентства “Reiter” и “Associated Press”, он сотрудничал с НКВД. Но он неизменно помогал оставшимся на свободе Цветаевой и Муру преодолевать все выпадающие на их долю бытовые трудности, был их постоянным помощником и советчиком. Ему удалось спасти Алю, когда за отказ доносить лагерное начальство угрожало ей смертью: из Москвы он сумел устроить так, что ее перевели в другой лагерь. Однако в конце концов и Муля Гуревич попал под каток сталинских репрессий: в 1950 году был арестован, а в 1952-м расстрелян.

* Здесь и далее в письмах сохранена авторская пунктуация.

27 августа 1939 года за Ариадной Эфрон пришла эмгэбэшная машина, и жизнь ее разломилась на две части — до ареста и после. На Лубянке начались ночные допросы, карцер, битье резиновой дубинкой. От нее требовали, чтобы она дала показания против отца. В какой-то момент Аля не выдержала и “призналась”, что является шпионкой, а ее отец — агент иностранной разведки. Когда же немного пришла в себя, от всего отказалась, но это уже не имело никакого значения. На Сергея Яковлевича уже давно было заведено дело, бериевский аппарат избавлялся от всех, кто работал на СССР за границей. Арестовали его 10 октября 1939-го. “8 ноября 1939 года мы ушли из Болшево — навсегда...” — писала Марина Цветаева дочери в лагерь. Это место казалось ей проклятым, даже любимые ими обеими кошки погибли здесь.

А в это время мир в изумлении смотрел, как Молотов и Риббентроп заключают пакт о ненападении и Советский Союз “мирно” присоединяет к своей территории Прибалтику и Западную Украину. 1 сентября немцы вторглись в Польшу. Началась Вторая мировая война.

Марине Цветаевой с Муром по ходатайству Бориса Пастернака удалось на время устроиться в писательском Доме творчества в Голицыне. Несмотря на страх перед Болшевской дачей, где почти все жильцы были арестованы, Цветаева вынуждена была поехать туда за вещами. Выяснилось, что милиционер, который сжег в печке часть их семейной библиотеки, удавился на ремне. Место действительно оказалось проклятым.

Что же в это время чувствовал Мур?

Семейный корабль уже шел ко дну, а мальчик пытался снова и снова разобраться в жизни взрослых, в жизни своей семьи. Но более всего хотел вписаться в советскую реальность, иметь друзей, хорошо учиться. Дневник, который он вел, заменял ему несуществующего друга. В нем он анализировал как международную обстановку, так и загадку ареста своей сестры, отца и соседей по даче. Он еще верил в справедливость советской власти, верил в то, что его отец делал замечательные дела. Конечно, в глазах Мура отец — герой, который боролся с фашизмом, посылая бойцов в Испанию, выполнял особые поручения

для родной страны. Он был уверен, что с отцом и сестрой разберутся и их освободят.

“Вспоминаю со сложным чувством кислосладкой трагичности дачу в Болшеве, — писал он в дневнике. — Больной сердцем отец и тасканье мое с ним на почту в Болшево, где долго ждали телефона. Жара. Отец почти седой, с палкой, в сером пиджаке. Благородное, умное и кроткое лицо. Именно благородное. Нервный. Я его очень жалею и жалел. Неладно у него было с сердцем — нередко припадки, и приходила Нина Николаевна со шприцом. Поездки с отцом в город и встреча с человеком из НКВД. Приезды в Болшево Алеши (теперь высланного на 8 лет). Гулянье его и Митьки (Сеземана, пасынка Клепининых. — *Н. Г.*) и езда на лодке. Устраивание колец и каждое утро занятия мои физкультурой под руководством отца. Но нет. Вспоминать об этом поистине трагическом времени в Болшеве не стоит. Жаль отца; жаль, что он угодил в тюрьму. Бедный отец! Но надеюсь, что его оправдают. Алю жалко, но отца больше жалко. Как он самоотверженно работал во Франции! Сколько он там замечательного дела сделал”.

Цветаева ездит в Москву, выстаивает очереди в окошечко на Кузнецком мосту — приемный пункт НКВД, передает посылки мужу и дочери. В июне 1940 года выясняется, что Сергея Эфрона нет ни в Лефортово, ни во внутренней тюрьме на Лубянке. Цветаева мечется от окна к окну, предполагая, что он в госпитале или уже умер. В июне арестовывают еще одного знакомого Эфрона, тоже возвращенца, — архитектора Павла Балтера. Мур, которому, заметим, только пятнадцать лет, пишет: “Перевод отца из Лефортовской тюрьмы в НКВД и арест Балтера, бесспорно, означают «оживление» дела. Возможно, отца перевели в НКВД с целью сделать очную ставку между ним и Балтером”.

В дневнике Мура есть текст, напоминающий по стилю аналитическую записку НКВД. Он поражает невероятной осведомленностью мальчика в шпионских делах отца. Он знает многих из проходящих по “делу Рейсса”. Каждому из них он дает подробную психологическую характеристику. Из этих записей следует, что Мур постоянно присутствовал при разговорах взрослых и не раз ходил с отцом (об этом он упоминает